

В общем гуле удивленных возгласов Чао Юй, не меняясь в лице, произнес:

— Вау.

Тон его был ровным, и, казалось, он был очень удивлен.

— Пф-ф! — ведущая не сдержала смешка. Она притворно кашлянула и быстро вернула себе официальную улыбку: — Сунь Цзэшэн, что выбираешь: правду или действие?

Кто-то из толпы начал подначивать:

— Действие! Давай действие!

Чао Юй кивнул:

— Я выбираю правду.

Все присутствующие замерли.

Его кивок — это знак того, что он услышал вопрос, да? Да?

Ведущая продолжила:

— Тогда я начинаю. Первый вопрос: когда у тебя был первый поцелуй?

Чао Юй даже не задумывался:

— В шестнадцать.

Ведущая широко открыла глаза:

— Так рано?!

Что и говорить, настоящий наследник богатой семьи. Наверное, как в романах, еще до совершеннолетия успел нахвататься опыта в ночных клубах.

Взгляды, которыми все посмотрели на Сунь Цзэшэна, стали весьма двусмысленными.

Однако Чао Юй сохранял всё то же невозмутимое спокойствие:

— Это был второй вопрос.

Начался второй раунд, и кто бы мог подумать, что бутылка снова укажет на самого Чао Юя.

Он снова выбрал правду.

Ведущая с трудом сдержала усмешку:

— Итак, второй вопрос: та девушка, которую ты поцеловал — твоя первая любовь?

— Само собой.

Игра продолжилась, и бутылка снова остановилась на Чао Юе.

Чэн Цин расхохотался:

— Сунь Цзэшэн, ты что, из африканской угольной шахты только что вернулся? Почему у тебя такая невезучесть?

— Может быть, — Чао Юй опустил глаза, глядя на крошечную царапину на краю стола. — Правда.

— Тогда третий вопрос: ты до сих пор вспоминаешь о ней?

— А... — на этот раз Чао Юй промолчал несколько секунд, но ответил развернуто: — На самом деле, стоит мне заняться делом, как я легко о нем забываю. Но я готов потратить всю жизнь на то, чтобы помнить о нем.

Его ресницы, длинные и густые, когда он опускал взгляд, напоминали черные шелковые ленты, обрамляющие драгоценные черные камни. В мягком свете ламп это создавало ощущение изысканной, благородной роскоши.

— Ха-ха, как и ожидалось, нет ничего прекраснее первой любви, — ведущая бросила многозначительный взгляд в сторону Сунь Синчэня.

В сети все говорили, что Сунь Цзэшэн души не чает в Сунь Синчэне, но кто бы мог подумать, что у него есть первая любовь столь высокого полета. Сунь Синчэнь, этот великий артист, всегда ставил себя выше других — наверняка сейчас он в ярости.

Ведущая посмеивалась про себя, но виду не подавала и запустила бутылку в новый раунд.

На этот раз выпало Сунь Синчэню.

— Я, как и Сунь Цзэшэн, выбираю правду, — сказал он.

— Хорошо, — ведущая приоткрыла ярко накрашенные губы. — Все знают, что у господина Сунь Синчэня и госпожи Сюэ Цияо был прекрасный школьный роман. Почему же тогда господин Сунь Синчэнь расстался с госпожой Сюэ Цияо?

Сунь Цзэшэн, которого только что задела ведущая, затаил обиду. У него была первая любовь, и его воспоминания о ней были не менее прекрасны!

Сунь Синчэнь отвел взгляд в пустоту, устремив глаза в одну точку, и его голос зазвучал повествовательно:

— Мы с Сюэ Цияо были друзьями детства, провели вместе лучшие годы. Но в год выпускных экзаменов мать тяжело заболела, отец ушел из семьи. Я был слишком молод, но мне пришлось взвалить на себя груз, который не должен был нести. Чтобы не тянуть Сюэ Цияо на дно, я принял самое тяжелое решение в своей жизни.

Сказав это, он намеренно сделал паузу. На его лице играла горькая улыбка, а взгляд украдкой метнулся к Сунь Цзэшэну.

Смотри, Сунь Цзэшэн. Если бы в моей семье не случилась трагедия, тебе бы здесь места не нашлось. И уж точно у меня была бы первая любовь, как у тебя.

Затем Сунь Синчэнь продолжил:

— Я решил расстаться с Сюэ Цияо, потому что не мог позволить ей тратить на меня время. Конечно, я не мог допустить, чтобы она узнала о моих проблемах. Поэтому я нашел грязную,

неряшливую девчонку, чье лицо было едва видно из-за волос, дал ей денег, чтобы она привела себя в порядок, и когда она стала выглядеть более-менее прилично, я демонстративно поцеловал ее на глазах у Сюэ Цияо. Сюэ Цияо отвесила мне звонкую пощечину, и так мне удалось уйти из ее мира. Она больше не была обременена мною.

В то время я думал, что никогда не поднимусь с колен, но, вопреки ожиданиям, я смог. Стал большой звездой. Я думал, что мы сможем начать все сначала, но кто знал... что Сюэ Цияо так сильно изменится.

Закончив свой рассказ, Сунь Синчэнь вздохнул, показывая, как он раздавлен горем.

Однако в комнате воцарилась странная тишина.

Сунь Синчэнь ожидал сочувствия, но вместо этого все смотрели на него с недоумением, в их глазах читался явный шок.

Ляо Луо, чье лицо также было скрыто длинными волосами, первым подал голос:

— То есть, чтобы разыграть спектакль, ты использовал случайного человека?

Сунь Синчэнь замер:

— Я не использовал ее! Я дал ей денег, когда она голодала, а взамен всего лишь один раз поцеловал.

— Ты ведь не спрашивал согласия у той девушки?

Сунь Синчэнь широко раскрыл глаза и поспешно ответил:

— Конечно спрашивал! Как я мог поцеловать кого-то без согласия? Я не такой человек!

— Хм, — Ляо Луо издал злобещий холодный смешок и замолчал.

Спина Сунь Синчэня покрылась испариной. Не успел он перевести дух, как Чэн Цин задал следующий вопрос:

— Было столько способов попроситься, почему ты выбрал самый радикальный метод, чтобы ранить другого человека?— Нет, ты просто не представляешь, насколько Сюэ Цияо была тогда навязчивой. Она даже заставляла меня сделать её беременной. Если бы я придумал любую другую причину, она бы ни за что не оставила меня в покое.

— И это твоё оправдание тому, что ты причинил Сюэ Цияо боль?

— Сюэ Цияо тогда была еще школьницей, с самыми чистыми чувствами. Она так сильно тебя любила, почему ты заставил её поверить, что она влюбилась в подонка? Не говоря уже о том, как мучительно ей было в тот момент.

Ляо Луо в этот момент глубоко взглянул на Чэн Цин.

Сунь Синчэнь был настолько ошарашен, что лишился дара речи, а Чэн Цин продолжил:

— Ты ведь знаешь одну истину? Совершая добрый поступок, нужно испытывать чувство вины, потому что твоя жалость может задеть чужое достоинство. Есть ли у тебя хоть капля раскаяния — это ещё вопрос, но когда ты швырял ей деньги, ты вёл себя как нищий, высокомерный и заносчивый. Разве ты не должен извиниться?

Да как у этой Чэн Цин так подвешен язык!

Сунь Синчэнь сжал зубы:

— Я... я пойду в уборную.

В этот момент он невыразимо жалел, что согласился участвовать в этом шоу, и уже начал прикидывать сумму неустойки за расторжение контракта.

— Не смей уходить, — окликнул его Чэн Цин.

Тело Сунь Синчэня вздрогнуло. Только что встав, он снова опустился на своё место и со страхом посмотрел в глаза Чэн Цин:

— Ч-что случилось?

Чэн Цин сказал:

— Ты так пренебрежительно отнёсся к человеку, которого спас. Разве ты не должен извиниться?

— Я... — Сунь Синчэнь снова содрогнулся. Он попытался уклониться от ответа, но настрой Чэн Цин был слишком напористым — так просто всё закончить не удастся. Делать было нечего, и он, опустив глаза, встревоженно пробормотал:

— Ты п-прав, совершенно прав. Я тогда был слишком незрелым, думал только о Сюэ Цияо. Я... я, конечно, должен извиниться, но я давно не знаю, куда она делась. Мои извинения сейчас уже ничего не изменят.

В этот момент Чao Юй, который долгое время хранил молчание, медленно поднял руку. Когда все обернулись к нему, он с бесстрастным лицом произнёс:

— Здесь.

— А?

Чао Юй добавил:

— Я и есть тот самый зачуханный толстяк с волосами, закрывающими пол-лица.

— Мне было шестнадцать, я сбежал из дома и бродяжничал целый месяц, умирая от голода.

Его взгляд медленно переместился на Сунь Синчэня:

— Тогда ты был добр ко мне, дал мне денег, поцеловал и сказал, что я тебе нравлюсь.

— Я поверил.

— Оказалось, всё было ложью.

В этот миг у всех перехватило дыхание.

Это было время, принадлежащее Сунь Цзэшэну. Ещё совсем маленьким, чистым и миловидным мальчиком, чьей главной заботой было придумать, как вечером отказаться от молока, которое давала мама.

В первый день, когда маленький Сунь Цзэшэн пошёл в первый класс, он с красивым ранцем за спиной радостно отправился в школу, а днём, когда он возвращался домой, его встречал дядя-водитель. Парадная дверь дома не была распахнута, как прежде, а напротив, плотно закрыта.

Маленький Сунь Цзэшэн встал на цыпочки своими короткими ножками и неуклюже попытался потянуть за ручку двери, как вдруг услышал звук упавшего на землю тяжелого предмета. Маленький Сунь Цзэшэн испуганно вздрогнул, закрыл уши руками и осторожно обернулся — перед ним лежала мать, утопающая в луже крови.

Она была прекрасна, словно вышитый белый цветок на алой ткани, вот только её глаза были широко раскрыты, казалось, они сейчас лопнут прямо в глазницах.

Маленький Сунь Цзэшэн горько заплакал от страха, и в конце концов отец в разорванной одежде прижал его к груди, утешая. Отец достал из кармана шоколадную конфету с ликером в форме сердечка, сунул её в рот маленькому Сунь Цзэшэну и ласково заговорил: Сяошэн, всё это неправда, не бойся, если страшно — поешь шоколада.

С тех пор у маленького Сунь Цзэшэна началась бессонница, он не мог контролировать приступы обжорства, а стремительно прибавляющийся каждый день вес заставлял его чувствовать, что с ним что-то не так. С большим трудом он улучил момент, когда его вечно занятый работой отец оказался свободен.

— Папа, папа, то, как я ем, — это разве нормально?

Его отец рассмеялся: Ничего подобного, можешь есть сколько угодно, папе по карману любые расходы, главное, чтобы ты был рад. ...К слову, папе нужно идти на работу.

Затем его отец брызнулся духами и с улыбкой на губах ушел, прихватив с собой подарочную коробку.

Сунь Цзэшэн рос в неведении, пока в шестнадцать лет не узнал правду от ушедшего на пенсию дворецкого.

Его отец завел на стороне любовницу, привел её домой, и та довела его мать до смерти.

Сунь Цзэшэн решил сбежать из дома.

Избалованный Сунь Цзэшэн быстро столкнулся с ударами жестокого мира. Потратив все свои деньги, он оказался неспособен заработать сам, извалялся в грязи, словно бездомный кот, и порой даже не мог найти куска хлеба.

И именно в этот момент появился Сунь Синчэнь.

Словно в какой-то мелодраме: день выдался солнечным, а в самом воздухе витал цветочный аромат.

Юноша сам подошел к нему.

Он дал ему денег, позволил искупаться, накормил и даже поцеловал его.

Маленький, мимолетный, легкий поцелуй коснулся сердца Сунь Цзэшэна, заставив его взмыть ввысь, словно облако. Ему казалось, будто он улетел на небеса и увидел свою нежную и прекрасную мать.

Он сказал матери: Мама, мне нравится этот человек.

Мама, как и прежде, повторила одну фразу, а затем пожелала удачи.

Эмоции вернулись в реальность. Мощный эмоциональный всплеск прежнего владельца тела ударил по душе Чао Юя. Глаза Чао Юя были черны как смоль, взгляд холоден, на лице не дрогнул ни один мускул, а от всего его существа исходила пугающая аура.

— Сунь Синчэнь, извинись.

<http://bllate.org/book/26309/3150737>